

**Международный ежегодник
по философии культуры.
1911-1912**

Книга II и III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1911-1912: Книга II и III
/ – М.: Книга по Требованию, 2013. – 326 с.

ISBN 978-5-458-04957-3

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04957-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Понятіе и трагедія культуры.

Статья Георга Зиммеля (Берлинъ).

Тѣмъ, что человѣкъ не позволяетъ вовлечь себя безпрекословно, какъ животное, въ естественное теченіе міра, но себя изъ него вырываетъ, себя ему противопоставляя, предъявляя требованія, ведя борьбу, его насилуя и претерпѣвая насиліе,—этимъ первымъ великимъ дуализмомъ начинается безконечный процессъ между субъектомъ и объектомъ. Тотъ же процессъ повторяется и въ области самаго духа. Духъ творитъ безчисленные образы, которые своеобразно и самостоятельно ведутъ дальнѣйшее существованіе независимо какъ отъ души, сотворившей ихъ, такъ и отъ всякой другой, ихъ воспринимающей или отвергающей. Такъ противостоитъ субъектъ искусству и праву, религіи и Technikъ, наукъ и обычаю; при чемъ не только содержаніе ихъ то привлекаетъ, то отбрасываетъ субъекта, то сливается съ нимъ, какъ часть его «я», то противостоитъ ему чѣмъ-то чуждымъ и недоступнымъ,—но и ставшій теперь объектомъ въ формѣ неизмѣнно установившагося, пребывающаго существованія духъ противопоставляетъ себя несущейся потокомъ жизни, внутренней самоотвѣтственности, колеблемуся напряженію субъективной души. Какъ духъ, внутренне связанный съ духомъ, онъ переживаетъ безчисленные трагедіи, рождаемая глубокой противоположностью обѣихъ формъ: противоположностью субъективной жизни—она безудержна, но конечна во времени, и ея содержаній—они, разъ созданныя, неподвижны, но значимы внѣ времени.

Въ области такого дуализма приходится жить идеѣ культуры. Въ основѣ ея лежитъ внутренній фактъ, который въ его цѣломъ можетъ быть выраженъ лишь символически и нѣсколько расплывчато: какъ путь души къ самой себѣ. Ибо въ сущности всякая душа есть всегда нѣчто большее, чѣмъ то, что она представляетъ собою въ настоящее мгновеніе: высота ея и совершенство уже преформированы въ ней, если и не въ реальной, то во всякомъ случаѣ въ какой-либо иной формѣ данности. Здѣсь разумѣется не опредѣленный, въ какомъ-либо мѣстѣ духовнаго міра фиксированный идеаль, но освобожденіе покоящихся въ душѣ

и предназначенныхъ къ дѣятельности силъ, развитіе ея собственнаго послушнаго внутреннему тяготѣнію къ формѣ начала. Какъ жизнь—и въ наибольшей мѣрѣ ея высшая ступень въ сознаниі—непосредственно содержитъ въ себѣ какимъ-то кускомъ неорганическаго свое прошедшее; какъ это прошедшее продолжаетъ жить въ сознаниі самимъ своимъ первоначальнымъ содержаніемъ, а не только какъ механическая причина дальнѣйшихъ измѣненій,—точно такъ же включаетъ въ себя жизнь и свое будущее—образъ, которому не соотвѣтствуетъ никакой аналогіи въ области неживого. Въ каждомъ моментѣ бытія организма, способнаго расти и размножаться, живетъ его позднѣйшая форма съ внутренней необходимостью и преобразованностью, которая нельзя сопоставить съ необходимостью и преобразованностью полета стрѣлы въ моментъ ея нахожденія въ натянутомъ лукѣ. Тогда какъ не живое владѣетъ просто лишь моментомъ настоящаго, живое на особый, ни съ чѣмъ не сравнимый ладъ распространяетъ власть свою на свое прошедшее и будущее. Всѣ душевныя движенія типа воли, долга, призванія, надежды—не что иное, какъ духовныя продолженія основнаго опредѣленія жизни: включенія своего будущаго въ свое настоящее въ своеобразной и свойственной исключительно жизненному процессу формѣ. И это касается не только отдѣльныхъ сторонъ развитія и совершенствованія: вся личность, какъ цѣлое и какъ единство, несетъ въ себѣ нѣкую какъ бы невидимыми линіями начертанную картину. Лишь съ реализаціей этой картины свершается переходъ личности изъ плоскости возможностей въ плоскость подлинной дѣйствительности. И вотъ, если созрѣваютъ и самоутверждаются духовныя силы въ отдѣльныхъ, такъ сказать «провинціальныхъ», задачахъ и интересахъ, то одновременно съ этимъ процессомъ возвышается или, лучше, скрывается требованіе, чтобы всѣмъ этимъ душа, какъ начало цѣлое и единое, исполняла бы данное себѣ самой обѣщаніе цѣлостности; всѣ же единичныя событія становятся тѣмъ самымъ лишь множественностью путей возвращающейся къ себѣ самой души. Вотъ метафизическая, если угодно, предпосылка нашего пракческаго и чувствующаго существа. Какъ бы ни было велико разстояніе этого символическаго выраженія отъ реальныхъ соотношеній, единство души не есть лишь простая формальная связь, охватывающая всегда одинаковымъ образомъ проявленія отдѣльныхъ душевныхъ силъ; сами эти отдѣльныя силы свершаютъ развитіе души какъ цѣлаго и являются по отношенію къ нему лишь изолированными и усовершенствованными средствами. Здѣсь формулируется первое и пока слѣдующее лишь чувству словоупотребленія понятіе культуры. Мы не тогда культурны, если достигли того или другого

знанія или умѣнія, но только въ томъ случаѣ, если все достигнутое служить конечно тѣсно съ этимъ связанному, но отнюдь не совпадающему съ нимъ развитію нашей центральности. Наши сознательныя стремленія, правда, имѣютъ въ виду частныя интересы и возможности; потому развитіе каждаго человѣка, поскольку оно вообще доступно слову, является какъ бы пучкомъ разной длины линій развитія, расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ. Однако, не въ этихъ частичныхъ совершенствованіяхъ, но лишь въ значеніи ихъ для развитія или, скорѣе, какъ развитія неопредѣлимаго личнаго единства—состоитъ процессъ культуры человѣка. Выражаясь иначе: культура—это путь отъ замкнутаго единства чрезъ развитое многообразіе къ развитому единству. Во всякомъ случаѣ рѣчь можетъ идти лишь о развитіи явленій, уже заложенномъ въ потенціальномъ ядрѣ личности, какъ эскизъ ея идеальнаго плана. И здѣсь обычное словоупотребленіе остается вѣрнымъ руководителемъ. Мы называемъ культивированными садовые плоды, полученные садовникомъ изъ одеревенѣлыхъ и несѣдобныхъ плодовъ дикихъ породъ; или иначе: это дикое дерево культивировано въ садовое плодое дерево. Если же, наоборотъ, то же самое дерево будетъ употреблено на мачту, что потребуетъ, конечно, не меньшей затраты сознательной работы, то мы никогда не скажемъ, что стволъ дерева культивированъ въ мачту. Нюансы употребленія слова ясно указываютъ, что плодъ, какъ бы ни былъ необходимъ для его образованія трудъ человѣка, въ концѣ концовъ, все же, лишь осуществляетъ заложенную въ качествахъ самаго дерева возможность, ибо получаются все-таки изъ собственныхъ производительныхъ силъ дерева,—въ то время какъ мачта вырабатывается изъ ствола въ силу системы цѣлей, самостволу совершенно чуждыхъ и въ тенденціяхъ его собственнаго существованія нисколько не заложенныхъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ возможныя познанія, утонченность и виртуозность человѣка, отмѣченныя характеромъ придатковъ, приложенныхъ къ личности изъ области ей самой въ конечномъ счетѣ совершенно внѣшнихъ цѣнностей, не позволяютъ намъ приписать ей дѣйствительной культурности. Человѣкъ описаннаго типа есть лишь человѣкъ культивированныхъ душевныхъ способностей, но не человѣкъ подлинной культуры. О культурѣ же мы имѣемъ право говорить лишь въ томъ случаѣ, когда воспринятое душою сверхличное содержаніе развертывается въ ней какъ бы въ тайной гармоніи лишь то, что уже раньше было заложено въ ней, какъ ея собственное влеченіе и какъ внутренняя предназначенность ея субъективнаго совершенствованія.

Здѣсь выступаетъ, наконецъ, та обусловленность культуры, благо-

даря которой она является рѣшеніемъ уравненія между субъектомъ и объектомъ. Мы не примѣняемъ ея понятія тамъ, гдѣ совершенствованіе не ощущается, какъ собственное развитіе душевнаго центра; однако, оно не находитъ примѣненія и тамъ, гдѣ подобное саморазвитіе обходится безъ всякихъ объективныхъ и внѣшнихъ ему средствъ и путей. Множество движеній ведутъ дѣйствительно, какъ того требуетъ указанный выше идеалъ, душу къ самой себѣ, т.-е. къ воплощенію ея полнаго и въ ней самой заложеннаго, но пока даннаго ей лишь, какъ возможность, бытія. Однако, поскольку она достигаетъ его исключительно, отправляясь отъ своего внутренняго существа, будь то въ религіозномъ восторгѣ или вдохновеніи самопожертвованія, царствѣ размышленія или цѣльной гармоніи жизни, она можетъ быть лишена специфическаго качества культурности. И не только въ томъ смыслѣ, что здѣсь можетъ отсутствовать то совершенно или относительно внѣшнее, что словопотребленіемъ деклассировано въ понятіе цивилизации. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Культурности въ самомъ чистомъ и глубокомъ ея смыслѣ нѣтъ тамъ, гдѣ душа проходитъ путь отъ себя къ себѣ, отъ своей возможности къ своей дѣйствительности, исключительно при помощи своихъ субъективныхъ личныхъ силъ, хотя бы такой путь, съ высшей точки зрѣнія, и оказался наиболѣе цѣннымъ; послѣднее только означало бы, что культура не есть абсолютно-предѣльная цѣнность души. Культура получаетъ свой специфическій смыслъ только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ вовлекаетъ въ указанное развитіе нѣчто внѣшнее, когда путь души проходитъ чрезъ цѣнности и ряды не субъективно душевные. Тѣ объективные образы духа, о которыхъ я говорилъ выше,—искусство и нравы, наука и предметы техники и индустріи, религія и право, техника и общественныя нормы,—необходимо должны быть этапами субъекта на пути его къ приобрѣтенію той своеобразной цѣнности, которую мы называемъ культурой личности. Но вотъ тутъ-то и кроется парадоксальность культуры, заключающаяся въ томъ, что субъективная жизнь, ощущаемая нами непрерывнымъ потокомъ и ищущая своего внутренняго совершенства, сама по себѣ, какъ таковая, оказывается съ точки зрѣнія культуры совершенно безсильной достигъ его намѣченнымъ путемъ: съ самаго начала она оказывается уже направленной, въ цѣляхъ своего завершенія, на тѣ образованія духа, которыя успѣли стать формально чуждыми ей, окристаллизовавшись въ самодовлѣющей замкнутости. Культура возникаетъ—это рѣшающій моментъ для ея пониманія—при сліяніи двухъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ на нее больше права, чѣмъ другой: субъективной души и объективнаго продукта духа.

Здѣсь коренится метафизическое значеніе этого историческаго образованія. Въ цѣломъ рядѣ своихъ наиболѣе могущественныхъ и существенныхъ проявленій духъ человѣка постоянно возводитъ невозводимые, а если и заканчиваемые, то всегда вновь и вновь разрушаемые, мосты между субъектомъ и объектомъ вообще: знаніе, главнымъ образомъ трудъ, въ нѣкоторыхъ смыслахъ также искусство и религія. Духъ видитъ передъ собой бытіе, къ которому его влечетъ какъ принужденіе, такъ и самовольность его природы; однако, онъ вѣчно присужденъ къ движенію въ самомъ себѣ, въ кругѣ лишь касательномъ къ линіи бытія; и всякій разъ, какъ онъ въ своемъ пути, соприкоснувшись съ послѣдней, устремится совпасть съ ея направленіемъ, съ бытіемъ, имманентность законовъ круга захватываетъ его обратно въ замкнутое въ себѣ вращеніе. Уже въ самомъ образованіи понятія: субъектъ—объектъ, какъ понятія коррелятивнаго, гдѣ каждый изъ этихъ моментовъ находитъ свой смыслъ въ своемъ другомъ,—лежитъ тоска и предчувствіе преодоленія этого застывшаго, послѣдняго дуализма. Упомянутыя выше области дѣятельности перекладываютъ его въ особую атмосферу, гдѣ радикальная чуждость обѣихъ сторонъ смягчена и допускаетъ нѣкоторое взаимное проникновеніе. Но такъ какъ послѣднее находитъ мѣсто только въ области модификацій, образовавшихся опять-таки подъ вліяніемъ атмосферическихъ условій отдѣльныхъ провинцій, то чуждость сторонъ не преодолевается въ ея глубочайшей основѣ, и конечныя попытки оказываются безпомощными передъ необходимостью рѣшить безконечную задачу. Нѣсколько иначе относимся мы къ объектамъ, общеніе съ которыми является для насъ путемъ къ нашей культурности. Объекты эти сами—духъ, ставшій въ упомянутыхъ этическихъ, интеллектуальныхъ, социальныхъ и эстетическихъ, религиозныхъ и техническихъ формахъ предметомъ; дуализмъ заключеннаго въ свои предѣлы субъекта и самодовлѣющаго въ своемъ бытіи объекта при духовности обѣихъ сторонъ переживаетъ исключительно своеобразное оформленіе. Такъ субъективный духъ долженъ лишиться своей субъективности, но не своей духовности, чтобы пережить то отношеніе къ объекту, въ которомъ обрѣтается культура субъекта. Это единственный способъ, которымъ дуалистическая форма существованія, данная непосредственно съ содержаніемъ субъекта, организуется въ нѣчто внутренне-единосвязное. Происходитъ объективация субъекта и субъективация объективнаго—въ чемъ и состоитъ специфичность процесса культуры въ его метафизической, возвышающейся надъ отдѣльными содержаніями формъ. Болѣе глубокое пониманіе требуетъ дальнѣйшаго анализа указаннаго овеществленія духа.

Наши размышленія исходили изъ глубокой чуждости, пожалуй даже, враждебности процесса жизни и творчества души, съ одной стороны, и ихъ содержаній и продуктовъ—съ другой. Вибрирующей, безудержной, въ безконечное развертывающейся жизни творческой въ какомъ бы то ни было смыслѣ души противостоить застывшій, идеально неподвижный продуктъ ея съ угрозой обратнымъ воздѣйствіемъ остановить, убить ту жизненность; часто продуктивная подвижность души какъ бы умираетъ въ собственномъ продуктѣ. Въ этомъ основная форма нашего страданія по нашему прошедшему, по нашимъ догмамъ, по нашимъ фантазіямъ. До нѣкоторой степени рационализируется и менѣе ощущается эта расщепленность между агрегатнымъ состояніемъ самой внутренней жизни и ея содержаніями тѣмъ, что человѣкъ противопоставляетъ себѣ и созерцаетъ эти продукты духа или содержанія своего теоретическаго и практическаго творчества въ опредѣленномъ смыслѣ, какъ самостоятельный космосъ обьективированнаго духа. Внѣшнее или нематеріальное произведеніе, въ которомъ запечатлѣлась душевная жизнь, начинаетъ восприниматься какъ своеобразнаго рода цѣнность. Попадетъ ли жизнь, вливающаяся въ нее, въ глухой тупикъ, или прокатитъ дальше свои волны, выбросивъ къ берегу эти обьективные образы, — во всякомъ случаѣ специфически человѣческое богатство состоитъ въ томъ, что продукты субъективной жизни принадлежать въ то же время неизмѣняющемуся предметному порядку цѣнностей, — логическому или моральному, религіозному или художественному, техническому или правовому. Являя себя носителями этихъ цѣнностей, членами таковыхъ рядовъ, продукты духа благодаря взаимному сплетенію и систематизированности не остаются въ той неподвижной изолированности, которая сдѣлала ихъ столь чуждыми ритмикѣ процесса жизни; наоборотъ, самому процессу сообщаютъ они значительность, не могущую быть добытой исключительно изъ неудержимости теченія жизни. На продукты духа падаетъ акцентъ цѣнности, правда, возникающій въ субъективномъ сознаніи; но послѣднее всегда разумѣетъ подъ нимъ нѣчто внѣ-субъективное. Цѣнность не должна быть непремѣнно положительной въ смыслѣ блага; скорѣе, наибольшее значеніе получаетъ самъ простой формальный фактъ, что субъектъ образовалъ обьектъ, что его жизнь воплотила самое себя, такъ какъ только самостоятельность оформленнаго духомъ обьекта можетъ разрѣшить основное напряженіе между процессомъ сознанія и его содержаніемъ. Природно пространственныя представленія примиряютъ, вѣдь, несогласованность своей неподвижно застывшей формы съ непрерывно текущимъ процессомъ сознанія тѣмъ, что узаконяютъ эту неподвижность

отнесеніемъ къ объективно внѣшнему міру; такое же соотвѣтствующее значеніе имѣетъ и объективность духовнаго міра. Мы чувствуемъ всю жизненность нашего мышленія лишь при наличности неизмѣнныхъ логическихъ нормъ, всю самовольность нашихъ поступковъ—лишь при этическихъ нормахъ; все теченіе нашего сознанія заполнено познаніями, опытомъ, впечатлѣніями изъ окружающихъ его, оформленныхъ духомъ областей; устойчивость и какъ бы химическая неразложимость всего этого являетъ проблематическую двойственность съ безпокойной ритмикой субъективно - душевнаго процесса, въ которомъ оно рождается, какъ представленіе, какъ субъективное содержаніе. Только принадлежность этихъ образовъ къ міру идеальному, лежащему надъ индивидуальнымъ сознаніемъ, обосновываетъ и оправдываетъ указанную противоположность. Конечно, запечатлѣнность въ объектѣ воли интеллекта, индивидуальности и духа, силы и настроенія отдѣльной души (также и коллектива ихъ), является рѣшающимъ моментомъ для его культурнаго смысла. И съ другой стороны—здѣсь вся значительность душевныхъ процессовъ достигаетъ предѣльнаго пункта своего назначенія. Къ осчастливленности творца своимъ произведеніемъ, будь оно великимъ или незначительнымъ, на ряду съ разряженіемъ внутренняго напряженія, съ проявленіемъ субъективныхъ силъ, съ удовлетворенностью исполненнаго требованія примѣшано, думается, еще то объективное удовлетвореніе, что данное произведеніе закончено, что космосъ тѣхъ или иныхъ цѣнностей обогатился новымъ приобрѣтеніемъ. Можетъ быть, нѣтъ болѣе утонченнаго личнаго наслажденія своимъ произведеніемъ, какъ ощущать его въ его сверхличности, въ его отрѣшенности отъ всего нашего субъективнаго. И такъ же, какъ эти объективации духа, цѣнны по ту сторону субъективныхъ процессовъ жизни, входящихъ въ нихъ какъ ихъ причины, такъ же цѣнны онѣ и по ту сторону другихъ процессовъ жизни, зависящихъ отъ нихъ въ смыслѣ ихъ слѣдствій. Какъ бы сильно ни цѣнили мы организацію общества и техническую обработку естественныхъ процессовъ, произведенія искусства и научное познаніе истины, нравы и нравственность за ихъ воздѣйствіе на жизнь и на развитіе душъ—всего чаще къ этой оцѣнкѣ все же примѣшивается и удовлетвореніе тѣмъ, что образы эти вообще существуютъ, что міръ объемлетъ и эти произведенія духа; нашъ процессъ оцѣнки подлѣжитъ тутъ директивѣ—останавливаться на собственномъ содержаніи объективированнаго духа, не спрашивая о дальнѣйшихъ судьбахъ его и вытекающихъ душевныхъ послѣдствіяхъ. На ряду со всѣмъ субъективнымъ наслажденіемъ, входящимъ въ насъ вмѣстѣ съ художественнымъ произведеніемъ, мы сознаемъ, какъ особаго рода цѣнность, что произведеніе это вообще существуетъ

что духъ сотворилъ себѣ этотъ сосудъ. Какъ въ творческой волѣ есть по крайней мѣрѣ одна линія, имѣющая своей конечной цѣлью собственное содержаніе произведенія искусства и вплетающая чисто объективную оцѣнку въ личное наслажденіе изживающей себя творческой силы, такъ соответствующая линія дана и въ переживаніяхъ воспринимающаго. Но во всякомъ случаѣ этотъ родъ цѣнности явно отличенъ отъ цѣнностей, облекающихъ чисто предметную данность, т.-е. природно объективное. Море и цвѣты, Альпы и звѣздное небо—все, что здѣсь связано съ цѣнностью, существуетъ только въ рефлексахъ субъективной души. Вѣдь природа, если отвлечься отъ мистической и фантастической антропоморфизаціи ея, есть лишь непрерывно связанное цѣлое, безразличная закономерность котораго никогда не акцентируетъ, на основаніи ея предметно-внутренняго содержанія, ни одной своей части, равно какъ и въ бытійномъ смыслѣ не отграничиваетъ ее отъ другихъ частей. Только наши человѣческія категоріи вырѣзаютъ изъ нея отдѣльные куски, связывая съ ними наши эстетическія, возвышенныя, символически значимыя реакціи; что прекрасное въ природѣ «радуется на самого себя», правомѣрно лишь какъ поэтическая фикція; для сознанія, размышляющаго объ объективности въ этомъ прекрасномъ, нѣтъ иной радости, какъ той, которой оно разрѣшается въ насъ. Если продуктъ чисто объективныхъ силъ можетъ быть субъективно цѣннымъ, то обратно продуктъ субъективныхъ силъ цѣненъ объективно. Матеріальные и нематеріальные образы, въ которые облеклась человѣческая воля, умѣнье, знаніе и чувство,—и представляютъ собою то объективно данное, которое мы воспринимаемъ, какъ значительность и обогащеніе бытія—даже если отвлечься отъ возможности ихъ созерцать, использовать, насладиться ими. Пусть цѣнность и значеніе, смыслъ и важность родятся исключительно въ душѣ человѣка; но хотя это и оправдывается по отношенію къ данной природѣ, все-таки ничто не снимаетъ объективной цѣнности образовъ, въ которые уже облечены творческія и оформляющія душевныя силы и цѣнности. Восходъ солнца, котораго никто не видалъ, не дѣлаетъ міръ болѣе цѣннымъ или возвышеннымъ, такъ какъ простая объективная данность факта вообще не допускаетъ примѣненія этихъ категорій; но если художникъ вложилъ въ картину этого восхода солнца свое настроеніе, свое чувство формы и красокъ, свою способность выраженія, то мы это произведеніе считаемъ (не разъясняя здѣсь въ какихъ именно метафизическихъ категоріяхъ) обогащеніемъ и повышеніемъ цѣнности бытія; міръ становится, т. е. сказать, достойнѣе въ своемъ существованіи, приближеннѣе къ своему дѣйствительному смыслу, если душа человѣка, источникъ всякой цѣнности, запечат-

лѣлась въ фактъ, теперь уже одинаково принадлежащемъ также и къ объективному міру—въ фактъ, своеобразное значеніе котораго не зависитъ отъ того, расколдуется ли другая душа эту зачарованную въ немъ цѣнность и разложить ли ее въ потокъ своего субъективнаго воспріятія. Естественный восходъ солнца и картина—то и другое реальности, но первая находитъ свою цѣнность впервые лишь въ дальнѣйшей своей жизни въ психическомъ субъектѣ, вторая, уже отъ кубка такой жизни вкусившая, въ объектъ оформленная, стоитъ передъ нашимъ воспріятіемъ цѣнности непосредственнымъ, ни въ какой субъективизаціи не нуждающимся дефинитивомъ.

Если напрячь эти моменты до полярности противоположныхъ воззрѣній, то на одной сторонѣ окажется исключительная оцѣнка субъективно подвижной жизни, которая не только создаетъ всякій смыслъ, цѣнность и значеніе, но въ которой всѣ они постоянно и пребываютъ. На другой—столь же понятно радикальное акцентуированіе оформленной въ объектъ цѣнности. Естественно, послѣдняя не должна быть непремѣнно направленной на оригинальное созиданіе произведеній искусства и религій, техники и знаній; но что бы ни совершалъ человѣкъ, онъ долженъ сдѣлать вкладъ въ идеальный, историческій, матеріализированный космосъ духа, если его произведеніе претендуетъ оказаться цѣннымъ. Это касается не субъективной непосредственности нашего бытія и дѣятельности, но ихъ объективно нормированнаго, объективно упорядоченнаго содержанія; такъ что въ сущности только эти нормировки и порядки содержать въ себѣ субстанцію цѣнности, которую и сообщаютъ текущимъ личнымъ процессамъ. Такъ у Канта даже автономія моральной воли, именно въ ея психологической фактичности, не связана сама съ цѣнностью, но перекладываетъ послѣднюю на реализацію объективно-идеальной формы. Такъ характеръ и личность получаютъ значеніе, какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ, лишь поскольку принадлежать къ сверхличной области. Въ то время, какъ оцѣнки субъективнаго и объективнаго духа противостоятъ другъ другу, культура, сочетавшая въ себѣ эти оба рода цѣнностей, сохраняетъ цѣлостность своего единства, ибо она являетъ собой тотъ родъ индивидуальныхъ свершеній, гдѣ послѣднія только черезъ воспріятіе и использование сверхличныхъ, внѣ субъекта живущихъ образовъ, находятъ свое осуществленіе. Только черезъ объективно духовныя реальности идетъ путь субъекта къ специфической цѣнности культуры; объекты же со своей стороны становятся культурными цѣнностями, поскольку черезъ себя ведутъ тотъ путь души отъ себя къ самой себѣ, тотъ путь отъ ея естественнаго къ ея культурному состоянію.

Можно, значить, такъ выразить структуру понятія культуры: нѣтъ

культурныхъ цѣнностей, которыя были бы лишь культурными цѣнностями; но каждая должна, чтобы получить такое значеніе, занимать еще мѣсто среди цѣнностей предметно-вещественнаго ряда. Также цѣнность этого послѣдняго рода, т.-е. цѣнность, благодаря которой какіе-либо интересы или способности нашего существа получаютъ свое развитіе, становится культурной, поскольку частичное развитіе поднимаетъ наше «цѣлостное я» ступеню выше къ его предѣльному завершеному единству. Отсюда становятся понятными два соотвѣтственныхъ отрицательныхъ явленія въ исторіи духа. Во-первыхъ—люди съ наиболѣе глубокими культурными запросами проявляютъ часто удивительное равнодушіе, скажемъ болѣе, отвращеніе къ отдѣльнымъ содержаніямъ культуры—поскольку имъ не удается раскрыть себѣ сверхспеціальныи вкладъ этихъ содержаній въ развитіе личностей въ ихъ цѣломъ; и дѣйствительно, ни одно человѣческое произведеніе не должно непременно само раскрыть свой вкладъ, какъ, съ другой стороны, нѣтъ ни одного, которое совсѣмъ не могло бы его раскрыть. Во-вторыхъ—развертываются явленія, которыя лишь кажутся культурными цѣнностями, на самомъ же дѣлѣ принадлежать къ роду извѣстныхъ изысканностей, утонченностей жизни, какъ часто бываетъ въ перерѣзья, уставшія отъ событій эпохи. Ибо гдѣ жизнь стала пустой и безсмысленной, тамъ всякая возможность развитія воли и творчества къ ихъ высшему становится только схемой; тамъ нѣтъ силъ извлечь питанія и поддержки изъ содержанія вещей и идей—такъ не можетъ заболѣвшее тѣло ассимилировать себѣ матеріалъ изъ средствъ питанія, отъ которыхъ растетъ и крѣпнеть здоровый организмъ. Тогда индивидуальное развитіе извлекаетъ изъ социальныхъ нормъ только изысканность поведенія въ обществѣ, изъ искусствъ—безплодное наслажденіе, изъ техническихъ успѣховъ—отрицательную сторону бездѣлія и невозмутимость ничѣмъ незаполненнаго дня;—тогда возникаетъ родъ формально субъективной культуры безъ внутренняго сплетенія съ элементами содержанія, которыми только и должно быть наполнено содержаніе понятія конкретной культуры. Такимъ образомъ съ одной стороны мы имѣемъ столь страстное, централизованное утвержденіе культуры, что для него становится чрезмѣрнымъ и отвлекающимъ самое содержаніе ея объективныхъ факторовъ, какъ таковое не превратимое и не могущее быть превращеннымъ сполна въ чистую культурную функцію, и съ другой стороны—такую слабость и пустоту культуры, что у ней нѣтъ силъ воспринять въ себя объективные факторы въ ихъ существенномъ содержаніи. Оба явленія, на первый взглядъ противорѣчащая связи личной культуры съ сверхличными данностями, подтверждаютъ при внимательномъ разсмотрѣніи какъ разъ такую связь.